

западного края тяготеет к индустрии (автомобилестроение, машиностроение, химическая промышленность) и сельскому хозяйству (аграрное производство, скотоводство). Важнейшими центрами являются Москва и Санкт-Петербург, а также Казань и Нижний Новгород. Важную роль в экономике страны играют регионы Урала, Сибири и Дальнего Востока. Важнейшие отрасли промышленности включают в себя машиностроение, химическую промышленность, производство строительных материалов, производство автомобилей, производство пищевых продуктов, производство текстиля и легкой промышленности.

Глава 3. Стягивание населения с периферии в региональные центры: Россия и Европейский Север¹

В современной России уже четверть века население стягивается в центр страны, под которым чаще всего понимается Центральный федеральный округ. К этому центру правильно будет отнести также регионы Северо-Западного района, «неэтнического» юга России, среднее Поволжье. Многие из этих регионов по российским меркам относительно плотно заселены, здесь немало крупных и крупнейших городов, в числе которых – Москва и Санкт-Петербург. Остальная Россия подпитывает эту зону населением, сюда активнее вселяются международные мигранты, в результате чего, в условиях депопуляции, в этой части страны не так быстро убывает население.

На фоне общестрановых трендов стягивания населения действуют более локальные. Так, в пределах центра страны население стягивается в столичный регион, для отдельных регионов такими межрегиональными центрами стягивания населения выступают Санкт-Петербург, Нижний Новгород, Самара. Есть подобные центры стягивания населения и за пределами центра страны, но они менее мощные, часто выполняют транзитную роль на пути в центр страны.

В свою очередь, в каждом российском регионе (пожалуй, за исключением сибирских и дальневосточных северов, где региональная система расселения напоминает острова посреди незаселен-

¹ Исследование проведено в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН № 31 на 2012–2014 гг. «Роль пространства в модернизации России: природный и социально-экономический потенциал».

ногого пространства), идет стягивание населения в региональные центры. Центр – это не только сама столица, но и пристоличный район, в отдельных случаях – несколько районов, примыкающих к нему. Именно на их территории формируются агломерации, часто это – «спальные районы», которые образуют с центром единый рынок труда. Здесь все постсоветские годы проводились административно-территориальные преобразования, часто в пользу регионального центра. Население этих районов живет в тесной связке с региональной столицей, что в итоге определяет динамику его численности. За редким исключением, именно в региональных центрах сконцентрирована экономическая жизнь, финансовые потоки, и конечно, административные функции. Здесь есть диверсифицированный рынок труда, имеются возможности получить образование.

Города и районы, расположенные за пределами центральных частей регионов, – внутрирегиональная периферия. Это не только пространственное понятие, их объединяет сходство динамики численности населения, направленность миграционных потоков и др.² Здесь мало крупных городов, зачастую единственный крупный город в регионе представлен региональным центром. Внутрирегиональная периферия неоднородна, но эти внутренние различия уступают различиям по линии «центр–периферия».

Немаловажный вектор различий периферии – удаленность городов и районов от центра. Удаленность на 30–50 км или на 200–250 км имеет большое значение: для населения это возможность совершать регулярные поездки в региональный центр, в ближней периферии чаще всего располагаются дачи горожан, выше плотность дорожной сети и сами дороги лучше, выше продуктивность сельского хозяйства (Нефедова, 2003, 2013). «Медвежьи углы» часто сильно обособлены, инфраструктура здесь изношена, в неземледельческих регионах товарное сельское хозяйство практически сворачивается.

Удаленность периферии от региональных центров можно измерять при помощи физического расстояния (в км). Другой способ – рассчитывать удаленность методом «соседства» с центром, выделяя соседей 1-го, 2-го, n -го порядков. Такой способ может несколько искажать физические расстояния и транспортную доступность центров, но зато позволяет более корректно сравнивать территории с разной плотностью населения и величиной АТЕ районного уровня.

² См. главу 1 Т.Г. Нефедовой в данной книге.

К центру мы относим региональную столицу и «пристоличный» район, в случае если территория регионального центра граничит непосредственно не с одним, а с двумя или тремя административными районами, то все они относятся к центру. Периферийные АТЕ подразделялись на несколько зон по удаленности их от центра – на периферию 1-го, 2-го, ..., 8-го порядков.

Зависимость изменения численности населения городов и районов за периоды 1989–2002 и 2003–2010 гг. указывает на выраженные различия между центрами и периферией: чем дальше от регионального центра, тем более интенсивно сокращалось население (рис. 3.1). В последний межпереписной период различия усилились. В отличие от 1990-х гг., когда даже привычный сельско-городской миграционный тренд претерпел своего рода непрерывную «инверсию» (Население России, 1997), а приток репатриантов из постсоветских стран приостановил депопуляцию в сельской местности многих регионов европейской части страны, в 2000-е гг. центр-периферийный тренд вновь вышел на первый план. В 2003–2010 гг. ближняя и дальняя периферия регионов демонстрировали различающуюся динамику численности населения: чем дальше от центра, тем убыль населения была выше.

Контрасты динамики численности населения по линии «центр–периферия» имеют повсеместное распространение, но наиболее

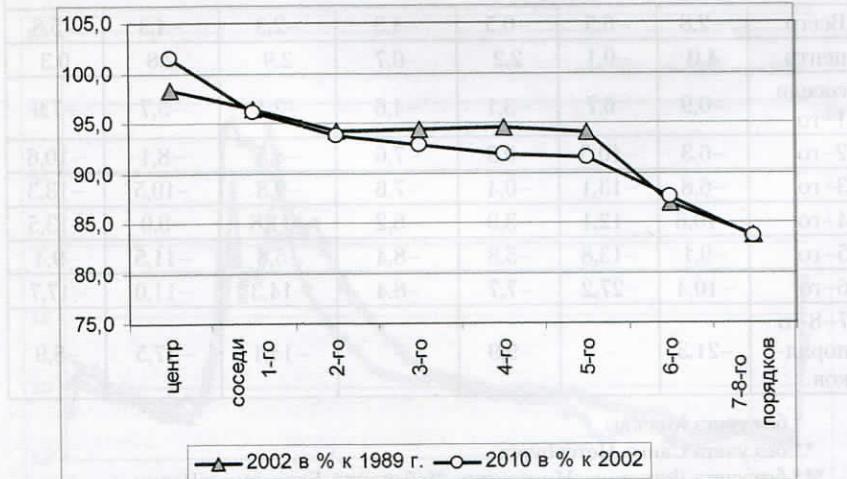

Рис. 3.1. Изменение численности населения низовых АТЕ в зависимости от удаленности от регионального центра, Россия, 1989–2010 гг.

* без учета данных по Москве, Санкт-Петербургу, Дагестану, Ингушетии, Кабардино-Балкарии и Чечне

Таблица 3.1

Изменение численности населения низовых АТЕ по федеральным округам в зависимости от удаленности от регионального центра, прирост/убыль, 2002 г. к 1989 г. и 2010 г. к 2002 г., в %

Ранг со-седства	Федеральные округа						
	Цен-траль-ный*	Северо-Запад-ный**	Юж-ный***	Приволж-ский****	Ураль-ский****	Сибир-ский****	Дальне-восточ-ный
2002 г. к 1989 г., прирост/убыль							
Всего	-4,9	-9,7	6,8	-2,5	-3,8	-6,3	-16,7
центр	-2,2	-4,0	7,1	-2,8	-2,6	-1,4	-7,7
соседи 1-го	-3,6	-8,1	6,5	-0,4	2,3	-6,6	-21,6
2-го	-6,5	-11,1	8,2	-5,7	-5,5	-9,1	-22,6
3-го	-6,3	-15,4	6,0	-3,2	-10,5	-10,4	-22,6
4-го	-9,7	-15,2	6,4	0,2	-10,7	-7,3	-24,2
5-го	-4,8	-19,3	1,9	-0,7	-6,1	-9,7	-22,6
6-го	-12,1	-37,2	-5,3	-0,9	-5,7	-10,9	-28,0
7-8-го порядков	-21,2	-	-6,3	-	-11,9	-17,9	-5,7
2010 г. к 2002 г., прирост/убыль							
Всего	-2,8	-6,5	-0,5	-4,3	-2,3	-4,3	-5,8
центр	4,0	-0,1	2,2	-0,7	2,9	2,8	0,3
соседи 1-го	-0,9	-6,7	-3,1	-4,6	-2,1	-5,7	-7,9
2-го	-6,3	-10,5	-0,9	-7,6	-4,5	-8,1	-10,6
3-го	-6,8	-13,1	-0,4	-7,6	-9,8	-10,5	-13,3
4-го	-10,6	-12,1	-3,9	-6,2	-11,8	-9,0	-13,5
5-го	-9,1	-13,8	-5,8	-8,4	-5,8	-11,5	-9,4
6-го	-10,4	-27,2	-7,7	-8,4	-14,3	-11,0	-17,7
7-8-го порядков	-21,3	-	-9,9	-	-14,1	-17,5	-8,9

* без учета Москвы

** без учета Санкт-Петербурга

*** без учета Дагестана, Ингушетии, Кабардино-Балкарии и Чечни

**** в ходе переписи 1989 г. между регионами Приволжского, Уральского и Сибирского округов было перераспределение населения ЗАТО, поэтому реальное изменение численности за 1989–2002 гг. в этих округах было несколько иным, что, впрочем, не могло сильно сказаться на динамике центров и периферии. Подробнее см.: Тольц М. Тайны советской демографии / Демоскоп Weekly 2004 № 171–172 <http://demoscope.ru/weekly/2004/0171/analit06.php>

четко они проявляются в Центральном и Северо-Западном округах (табл. 3.1). Сельское население, население малых городов остается стабильным только вблизи региональных центров (Карачурина, Мкртчян, 2013). Средние по размеру города на значительном удалении от регионального центра могут формировать локальные центры притяжения населения, тем самым сокращение численности их населения приостанавливается. Таких городов немного, они есть не в каждом регионе, т.к. для формирования их как локальных центров нужны не только социально-экономические условия, но и сравнительно «полнокровная» людьми периферия.

В Центре и на Европейском севере депопуляция периферии началась раньше, чем в целом по стране, потому что миграция в крупные города усиленно «высасывала» молодое население на протяжении уже многих десятилетий. В результате показатели естественного движения, зависимые от возрастной структуры населения, здесь – одни из самых неблагоприятных среди российских регионов.

В этой главе мы подробнее остановимся на миграции молодежи. Это самая активная в миграционном отношении группа населения (рис. 3.2): на возраст 17–29 лет в 2012 г. приходилось 38% всех фиксируемых статистикой внутристрановых миграционных перемещений, в 2002 г. – 45%.

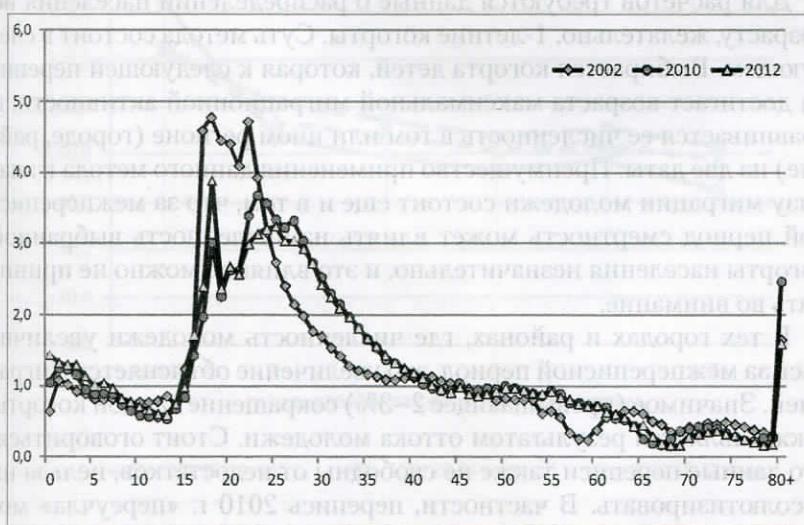

Рис. 3.2. Распределение внутристрановых мигрантов по возрасту,

% от общего числа прибывающих в соответствующем году

В работах В.И. Переведенцева конца 1980-х гг. выделялись три главных потока молодежи из села в город: 15–16 лет³ после окончания неполной средней школы; 17–18 лет по окончании средней школы и 20–21 год после службы в армии (Переведенцев, 1990). Сейчас возраст наибольшей миграционной активности приурочен, скорее, к возрасту получения профессионального образования.

Однако российская статистика фиксирует не всех мигрантов, до 2011 г. в ее поле зрения попадали только зарегистрированные по месту жительства. Вне статистического учета оставались, например, многие учебные мигранты, люди, оформляющие регистрацию по месту пребывания на разный срок, независимо от того, что они могли проживать вне места постоянной регистрации на протяжении многих лет.

Кроме того, для изучения миграции в пределах регионов необходима информация в разрезе городов и районов, ее доступность, сбор и обработка затруднены. Поэтому мы использовали так называемый метод «передвижки возрастов», применяемый для анализа миграции с использованием данных переписей населения. Этот метод применяла, например, Ж.А. Зайончковская к данным переписей 1959, 1970 и 1979 гг. для оценки миграционных потерь сельской местности РСФСР за соответствующие межпереписные периоды (Зайончковская, 1991).

Для расчетов требуются данные о распределении населения по возрасту, желательно, 1-летние когорты. Суть метода состоит в следующем. Выбирается когорта детей, которая к следующей переписи достигает возраста максимальной миграционной активности, и сравнивается ее численность в том или ином регионе (городе, районе) на две даты. Преимущество применения данного метода к анализу миграции молодежи состоит еще и в том, что за межпереписной период смертность может влиять на численность выбранной когорты населения незначительно, и это влияние можно не принимать во внимание.

В тех городах и районах, где численность молодежи увеличилась за межпереписной период, это увеличение объясняется миграцией. Значимое (превышающее 2–3%) сокращение данной когорты также является результатом оттока молодежи. Стоит оговориться, что данные переписи также не свободны от недостатков, нельзя их абсолютизировать. В частности, перепись 2010 г. «переучла» молодежь (Мкртчян, 2012), что стало возможно благодаря тому, что

³ Миграция молодежи 15–16 лет в современной России практически не выражена, в этом возрасте молодые люди обычно живут в родительской семье и не склонны к самостоятельной миграции.

часть молодых людей, живущих вне родительской семьи, были учтены дважды: по месту их фактического проживания (например в крупном городе в общежитии) и по месту постоянной регистрации, родителями.

Поэтому данные о численности молодежи в городах – региональных центрах, возможно, более точны, чем данные о численности молодежи на периферии, где они могут быть преувеличены в силу вышеназванных причин.

На основе данных о половозрастной структуре населения 19 регионов России было произведено сопоставление когорт молодого и детского населения за два последних межпереписных периода (рис. 3.3). В силу ограниченности данных (в 1989 и 2002 г. по ряду регионов были доступны только 5-летние возрастные группировки) в первый межпереписной период мы сравнивали две группы высокой миграционной активности.

Если сопоставить рис. 3.1 и 3.3, видно, что различия между центром и периферией, измеренные при помощи динамики молодежных когорт, сильнее. Если общая численность населения центров увеличивалась за последний межпереписной период на 2%, то численность молодежи в возрасте 18–22 лет увеличилась (по данным

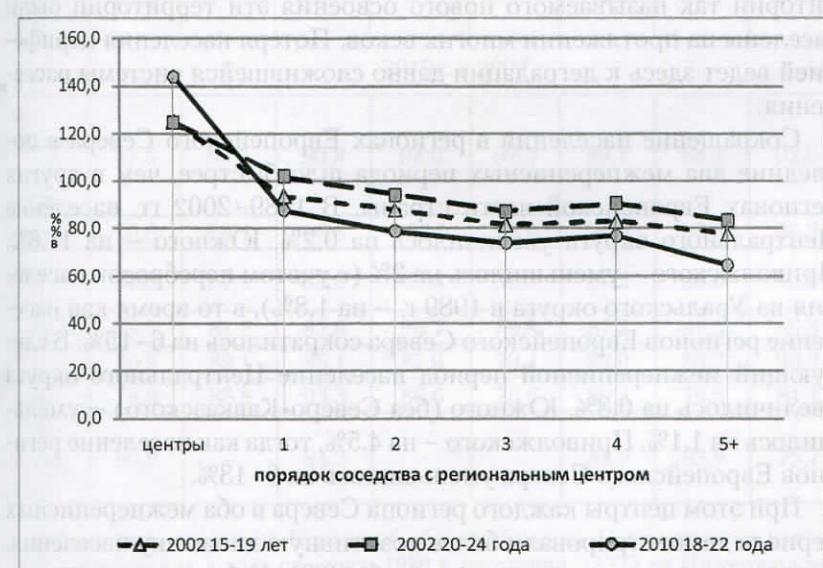

Рис. 3.3. Численность молодежи в 2002 и 2010 гг.

по зонам топологической удаленности от регионального центра,
% к числу детей в 1989 и 2002 г. соответственно

19 регионов) на 44%. С другой стороны, общее сокращение населения на периферии составляло 5–10% за межпереписной период, в то же время уменьшение численности молодежи составило 20–30%. И это – «нижняя» оценка потерь молодежи периферией, учитывая особенности переписи как источника информации, о чем говорилось выше.

Именно молодежь составляет основу перераспределяемого между региональными центрами и периферией населения. И что особенно важно – она, в отличие от ряда других групп населения, участвует в процессе воспроизводства населения. Естественно, такой приток способствует омоложению населения крупных городов. Поэтому центры регионов, несмотря на сравнительно невысокую рождаемость у городского населения и низкие нормы детности, демонстрируют лучшие показатели демографической динамики, чем традиционно больше рожающая периферия, сельская местность. С другой стороны, на периферии в результате оттока молодежи уменьшается рождаемость, ускоряется старение населения.

Особую остроту процесс «людского сжатия», наряду с хозяйственным сжатием (Нефедова, 2010), приобретает в староосвоенных регионах России, на Европейском Севере. В отличие от территорий так называемого нового освоения эти территории были заселены на протяжении многих веков. Потеря населения периферией ведет здесь к деградации давно сложившейся системы расселения.

Сокращение населения в регионах Европейского Севера в последние два межпереписных периода шло быстрее, чем в других регионах Европейской части страны. В 1989–2002 гг. население Центрального округа увеличилось на 0,2%, Южного – на 11,6%, Приволжского – уменьшилось на 2% (с учетом перебросок населения из Уральского округа в 1989 г. – на 1,8%), в то время как население регионов Европейского Севера сократилось на 6–15%. В следующий межпереписной период население Центрального округа увеличилось на 0,8%, Южного (без Северо-Кавказского) – уменьшилось на 1,1%, Приволжского – на 4,5%, тогда как население регионов Европейского Севера уменьшилось на 6–13%.

При этом центры каждого региона Севера в оба межпереписных периода демонстрировали более позитивную динамику населения, чем население региона в целом (табл. 3.2). У большинства периферийных территорий четко выраженных отличий в динамике численности населения по мере удаления от центров не прослеживалось. Убыль численности населения у АТЕ – соседей регионального центра 1-го порядка была меньше, чем у совсем дальнейperi-

Таблица 3.2

Изменение численности населения низовых АТЕ по регионам Европейского Севера в зависимости от удаленности от регионального центра, прирост/убыль, 2002 г. к 1989 г. и 2010 г. к 2002 г., в %

	Псков-ская	Нов-город-ская	Архан-гель-ская	Воло-годская	Ярос-лав-ская	Ко-стром-ская	Киров-ская	Перм-ский край
2002 г. к 1989 г.*								
В целом по региону	90,0	92,4	85,1	94,1	93,1	91,7	88,8	91,4
центр	99,5	99,3	87,8	100,2	97,3	95,1	103,2	92,6
соседи 1-го	91,0	91,0	78,0	90,7	91,5	89,8	83,1	92,5
2-го	85,3	87,5	81,7	96,0	89,1	85,1	80,2	88,4
3-го	81,1	89,4	83,8	87,6	82,2	84,5	83,1	90,6
4-го	88,5	91,5	88,9	87,1	81,7	81,0	86,9	85,2
5–8 порядков	85,8	—	79,1	—	—	84,5	86,4	93,4
2010 г. к 2002 г.								
В целом по региону	87,5	90,5	90,9	94,0	92,3	89,7	88,3	92,9
центр	99,0	98,1	96,5	102,0	96,6	96,9	97,6	99,3
соседи 1-го	87,0	87,0	83,6	88,6	91,3	87,2	88,6	92,9
2-го	79,9	84,2	82,6	96,7	89,8	87,8	81,5	89,3
3-го	76,9	89,1	85,1	87,0	79,4	82,0	83,7	90,3
4-го	78,9	86,8	93,3	86,6	76,6	80,4	79,5	81,1
5–8 порядков	90,9	—	84,3	—	—	84,9	83,9	75,7

* Сокращение населения Кировской области было на 44 тыс. человек меньше из-за «переброски» в ходе переписи 1989 г. населения ЗАТО из Нижегородской области, а Пермского края – на 55 тыс. меньше из-за «переброски» в ходе переписи 1989 г. населения ЗАТО из Свердловской области. См.: Тольц М. Тайны советской демографии / Демоскоп Weekly 2004 №171–172 <http://demoscope.ru/weekly/2004/0171/analit06.php>

ферии, соседей 4–5 порядков – лишь в Ярославской и Костромской областях в оба межпереписных периода; в Кировской, Псковской областях и Пермском крае – только во второй межпереписной период.

Общие масштабы сокращения населения и сильные контрасты в убыли численности населения между центрами и периферийными территориями в регионах Европейского Севера являются прежде всего результатом миграции. Большинство регионов, за исключением Ярославской области, в целом испытывают миграционный отток населения. Это – и результат общего оттока населения с севера, которому в большей мере в последние два десятилетия было подвержено население Архангельской области, и следствие центробежных миграций, дрейфа населения с внешней периферии в центр в масштабах страны.

Население Псковской и Новгородской областей, которое находится между двумя крупнейшими российскими агломерациями, уже более столетия вымывается в результате миграции. Для населения Костромской, Кировской области более свойствен отток в Москву и в меньшей мере – в Нижний Новгород. Пермский край отдает население преимущественно Москве, Нижнему Новгороду и Екатеринбургу.

В Архангельской области население теряет не Архангельск, а военно-промышленный Северодвинск, который является его ближайшим соседом и образует, в соответствии с нашей методикой, центр региона наряду со столицей. Фактически примерно половина потерь населения центра Архангельской области – это потери, связанные с Северодвинском и Новодвинском, а не с самим Архангельском. Даже большой размер не гарантирует промышленным городам стабильного населения, тем более если они находятся на типичной внешней периферии.

Население периферии рассматриваемых регионов не только и не столько участвует в миграции за пределы регионов, сколько стягивается в центры. Именно этим объясняются большие успехи центров в удержании населения.

На рис. 3.4 видно, что за два межпереписных периода население большинства центров регионов, за исключением Архангельской области, сократилось не сильно или даже сохранило свою численность. Для этой части страны, лежащей в стороне от репатриационных миграционных потоков 1990-х гг. и являющейся в масштабах страны периферией в миграционном плане, это – очень неплохой результат.

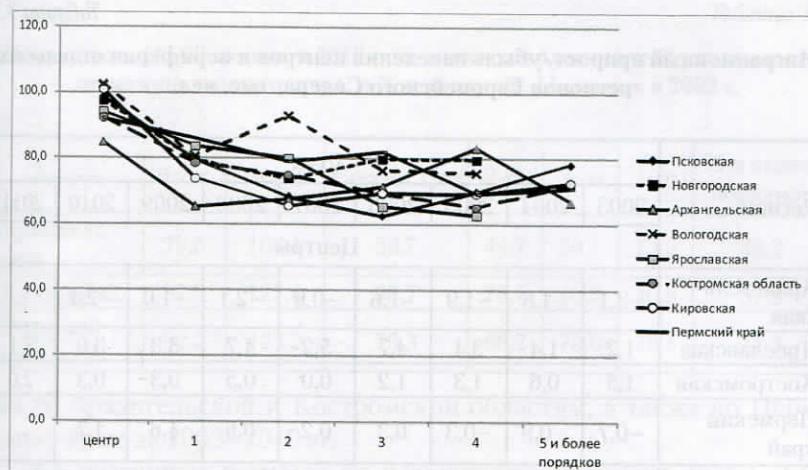

Рис. 3.4. Изменение численности населения низовых АТЕ регионов Европейского Севера в зависимости от удаленности от регионального центра, Россия, 1989–2010 гг. (1989 г. = 100%)

Внутрирегиональная периферия, за редким исключением, потеряла от 20 до 40% населения, что соответствует убыли на 1–2 процентных пункта в год. Однако здесь имеются исключения.

На рис. 3.4 видно, что соседи центра 2-го порядка в Вологодской области практически населения не теряли. Но здесь располагается 300-тысячный Череповец – один из немногих «вторых» городов в России⁴, по численности населения превышающий региональный центр, а по экономическому потенциалу его превосходящий. Череповец даже немного «подрос» за 1989–2010 гг.

В Архангельской области на удаленной периферии сравнительно неплохую динамику демонстрировали Котлас и Коряжма – города той части области, которая скорее похожа на соседнюю Вологодчину, чем на остальную часть Архангельской области, в том числе в миграционном плане.

Миграция, которая учитывается статистикой, не дает полной картины, но смену тенденций она фиксирует. Миграционные тренды центров и периферии регионов, взаимосвязаны: чем больше потери периферии, тем больше миграционный приток в центры (табл. 3.3).

Например, усиление оттока из периферии Костромской области в 2011 г. сразу привело к тому, что центр получил ощущимый

⁴ Другие примеры – Новокузнецк Кемеровской области, Сургут, Нижневартовск и Нефтеюганск в ХМАО.

Таблица 3.3

Миграционный прирост/убыль населения центров и периферии отдельных регионов Европейского Севера, тыс. чел.

Регион	Годы								
	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
	Центры								
Архангельская	-3,1	-1,8	-1,9	-1,6	-0,9	-2,1	-1,0	-2,4	...
Ярославская	1,2	1,4	3,4	4,7	5,2	4,7	3,3	3,0	7,1
Костромская	1,5	0,6	1,3	1,2	0,0	0,5	0,3	0,3	2,0
Пермский край	-0,7	-0,9	-0,3	0,3	0,2	0,6	1,6	1,7	...
Периферия									
Архангельская	-3,5	-3,9	-3,1	-3,3	-3,7	-4,3	-4,2	-5,4	...
Ярославская	1,4	0,3	0,0	-0,6	-0,4	0,0	-0,1	-1,1	-1,6
Костромская	-1,5	-1,7	-1,7	-1,7	-0,2	-0,5	-0,5	-1,0	-3,8
Пермский край	-2,3	-2,8	-1,8	-2,9	-3,3	-3,6	-4,2	-5,6	...

миграционный прирост⁵. Миграционный прирост такого слабого центра, как Кострома, складывается только за счет «своей» периферии. В Ярославской области, напротив, прирост центра в большей мере обеспечивают жители других регионов страны (той же Костромской, Вологодской областей), в 2011 г. он только на четверть обеспечивался за счет «своей» периферии. Но и в этом регионе усиление оттока из периферии способно вести к росту притока в центр.

Высокая величина ежегодного миграционного оттока из центра Архангельской области – это потери не Архангельска, а Северодвинска.

Миграция молодежи, измеряемая нами, как уже говорилось, методом передвижки возрастов, демонстрирует еще более выраженные различия между региональными центрами и периферией регионов Европейского Севера. К сожалению, информационные ограничения не позволяют применить этот метод ко всем рассматриваемым регионам, здесь мы вынуждены ограничиться расчета-

⁵ Необходимо иметь в виду, что в 2011 г. изменилась методика учета миграции, в статистику стали включать получивших регистрацию по месту пребывания на срок 9 мес. и более. С этим и связаны отличия данных за 2011 г. от 2010 г.

Таблица 3.4

Численность 18–22-летних в 2010 г. по зонам топологической удаленности от регионального центра, в % к числу 10–14-летних в 2002 г.

Регион	Всего	Центр	Соседи 1-го	2-го	3-го	4-го	5 и выше порядков
Архангельская	79,5	108,1	53,7	44,7	59,1	73,9	42,2
Костромская	87,3	127,4	68,7	78,7	40,7	40,8	57,8
Пермский край	92,2	122,2	75,3	66,2	76,0	46,4	71,3

ми по Архангельской и Костромской областям, а также по Пермскому краю за 2003–2010 гг.

Все названные регионы не удерживают молодежь (табл. 3.4). Смертность «ответственна» за сокращение рассматриваемых когорт лишь на 1–2%; остальное – результат миграции. Сравнение суммарных потерь молодежи периферией и «приобретения» центрами указанных регионов показывает, что центр Архангельской области мог удержать только 20% молодежи, потерянной периферией, центры Костромской области и Пермского края – 40% и 41% соответственно. В 1989–2002 гг. Пермь и Соликамск также не смогли удержать молодежь, около 60% ее, по расчетам, покинули край (Мкртчян, Карабурина, 2009).

Оговоримся, что данные расчеты условны, они не учитывают, что какое-то количество детей и молодежи в течение рассматриваемого межпереписного периода могли приехать в любой из рассматриваемых регионов. Тогда выезд «своей» молодежи должен быть еще выше. Также оперирование балансовыми показателями пристра/убыли не учитывает выезд молодежи из региональных центров в другие регионы и замещение молодежью с внутрирегиональной периферией. Данные переписи не могут дать ответов на подобные вопросы.

Однако расчеты показывают, что периферия рассматриваемых регионов потеряла 30–40% (а отдельные районы – до 70%) выпускников школ. Эти потери, если сравнивать их с другими регионами России, близки к максимальным. Напомним, что часть этой молодежи могла быть, в их отсутствие, учтена при переписи родителями, оставшимися на периферии. Это говорит о том, что вышеуказанные потери – лишь нижняя граница возможного оттока.

Отток молодежи ведет к серьезным изменениям возрастной структуры населения (рис. 3.5), предопределяет ускорение депо-

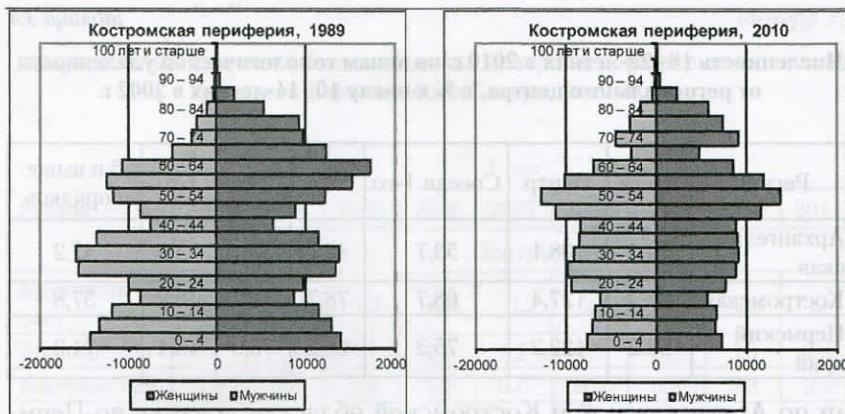

Рис. 3.5. Возрастно-половая структура населения периферии Костромской области в 1989 и 2010 г., чел.

поляции периферии. Между 1989 и 2010 г. численность детей на периферии Костромской области сократилась вдвое, а предстоит отток значительной части из них после окончания школы.

Интересно, что средний возраст населения внутрирегиональной периферии уже практически не растет: почти повсеместно перевалив за 40 лет, этот рост замедляется, т.к. его ограничителем выступает низкая продолжительность жизни в России и в глубинке – в частности. Селективная роль миграции может вносить вклад в различия смертности, выступая в роли своеобразного фильтра: те, кто стремился чего-то добиться, покидали периферию на протяжении десятилетий, а не чувствующие в себе сил к этому часто находили выход в алкоголе. Население периферии подвергается негативной селекции.

И в Архангельской, и в Костромской области есть районы, где убыль молодежи превышает 60% (см. рис. 3.6, 3.7). Это не может быть связано со спецификой динамики спецконтингентов, т.к. убыль фиксируется по мужчинам и женщинам.

Особые территории – бывшие и действующие ЗАТО – Мирный и Плесецк в Архангельской области исключены из рассмотрения из-за резкого, в несколько раз, превышения численности мужчин над числом женщин в исследуемых когортах населения. Такие перекосы в половозрастной структуре возникли из-за многочисленного спецконтингента⁶.

На внутрирегиональной периферии рассмотренных областей Европейского Севера есть и примеры более позитивной динамики

⁶ В переписи 2010 г. военнослужащие по призыву и по контракту переписывались по месту прохождения службы (т.е. по месту их нахождения).

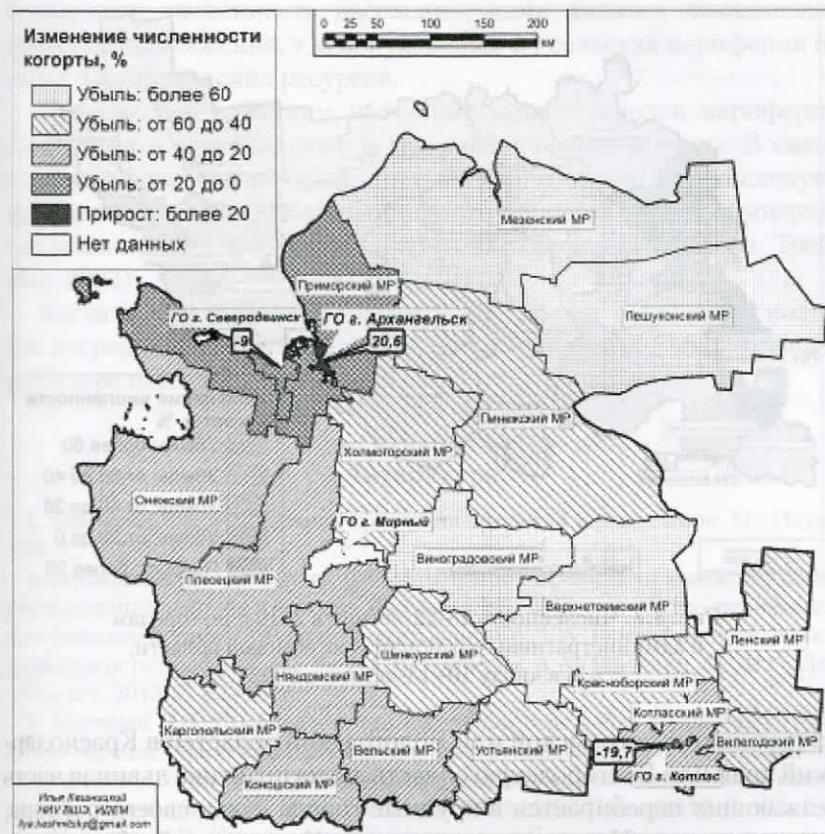

Рис. 3.6. Численность 18–22-летних в 2010 г. по городам и административным районам Архангельской области, в % к числу 10–14-летних в 2002 г.

когорт молодежи – Котлас в Архангельской области и Шарья в Костромской. Это – примеры локальных центров притяжения населения, сами по себе такие же отточные, как и окружающие их районы, но, видимо, оттягивающие на себя небольшую долю покидающего сельскую глубинку населения. Их развитие было бы более позитивным, если бы не крайняя исчерпанность людьми окружающих их районов.

В более богатых населением и молодежью Башкортостане, Алтайском крае подобные небольшие города способны поддерживать численность молодого населения на стабильном уровне.

Потери населения внутрирегиональной периферии регионов Севера России – это составляющая общих потерь периферийных территорий. Теоретически можно представить переезд населения

Рис. 3.7. Численность 18-22-летних в 2010 г. по городам и административным районам Костромской области, в % к числу 10–14-летних в 2002 г.

из глубинки Костромской или Вологодской областей в Краснодарский край или Белгородскую область, но на практике львиная часть уезжающих перебирается в крупные города – как своего региона, так и соседних. Например, выходцы из Костромской области могут переехать в Ярославль, Киров, Нижний Новгород. И конечно же, в Москву, в столичный регион. Некоторая часть людей может переехать в соседний город (район) на периферии, что не нарушит показатели ее заселенности. Однако проследить точные направления миграции не позволяют ни данные текущего учета, ни данные переписи.

Сокращение населения внутрирегиональной периферии, стягивание его в крупные города – результат не только миграции, но и вызванных ею изменений процессов естественного движения населения. Периферия теряет прежде всего молодежь (20–30% окончивших школу, в регионах Европейского Севера – до 60%), что усугубляет процессы депопуляции и ускоряет старение населения.

В рассмотренных регионах даже крупные города – региональные столицы не удерживают население, в результате оно не столько концентрируется в центрах, сколько выезжает за пределы Европейского Севера. Малым и средним городам в этой зоне не удается

поддержать численность населения, даже являясь локальными центрами притяжения, т.к. окружающая их сельская периферия не имеет к тому людских ресурсов.

Повсеместно в России население малых городов периферии съезжается в региональные и межрегиональные центры. В связи с демографической исчерпанностью села, с переходом на следующую стадию общего урбанизационного процесса сельских мигрантов заменяют жители малых и средних городов (Нефедова, Трейвиш, 2002).

Когда совсем истощится людской ресурс села периферии, настает очередь вымирающих, «брошенных» малых городов, которых на Севере немало?

Литература

1. Зайончковская Ж.А. Демографическая ситуация и расселение. М.: Наука, 1991. С. 102–104.
2. Каракурина Л.Б., Мкртчян Н.В. Изменение численности населения административных районов и городов России (1989–2010 гг.): центро-периферийные взаимодействия // Вопросы географии. Сб. 135: География населения и социальная география / отв. ред. А.И. Алексеев, А.А. Ткаченко. М.: Изд. Дом «Кодекс», 2013. С. 82–107.
3. Мкртчян Н.В. Проблемы учета населения отдельных возрастных групп в ходе переписи населения 2010 г.: причины отклонений полученных данных от ожидаемых / Демографические аспекты социально-экономического развития: Сб. статей // под ред. М.Б. Денисенко. М.: МАКС Пресс, 2012. С. 197–214.
4. Мкртчян Н.В., Каракурина Л.Б. Миграция в Пермском крае: опыт анализа на региональном и муниципальном уровнях // Научные труды: ИНП РАН / гл. ред. А.Г. Коровкин. М.: МАКС Пресс, 2009. С. 688–712.
5. Население России 1996. Четвертый ежегодный демографический доклад / Отв. ред. А.Г. Вишневский. М.: 1997. С. 148.
6. Нефедова Т.Г. Десять актуальных вопросов о сельской России. Ответы географа. М.:URSS. С. 166–180, 188–233.
7. Нефедова Т.Г. Сельская Россия на перепутье. Географические очерки. М.: Новое издательство, 2003. С. 126–129, 298–299.
8. Нефедова Т.Г. Сжатие внегородского освоенного пространства России – реальность, а не иллюзия // Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования / под ред. С.С. Артоболевского и Л.М. Синцерова. М.: Эслан, 2010. С. 128–153.
9. Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Теория «дифференциальной урбанизации» и иерархия городов в России на рубеже XXI в. // Проблемы урбанизации на рубеже веков / отв. ред. А.Г. Махрова. Смоленск: Ойкумена, 2002. С. 71–86
10. Переведенцев В.И. Молодежь и социально-демографические проблемы СССР. М.: Наука, 1990. С. 97–98.